

УДК 340.1+34(091)

**РАЗЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ
ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА****КОЖИНА Юлия Алексеевна**

*кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Академии ФСИН России, г. Рязань, Россия.
E-mail:mailto:yl-san@yandex.ru*

**THE EXPLANATORY FUNCTION OF
THE PLENUM OF THE SUPREME
COURT: THEORY AND PRACTICE****KOZHINA Yuliya Alekseyevna**

Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia. E-mail: mailto:yl-san@yandex.ru

Создание внятных, корректных норм права является результатом эффективного нормотворчества. Проблема неверного толкования источников действующего законодательства становится особенно актуальной тогда, когда речь идет о реализации и защите прав отдельно взятого лица. Семейное законодательство пронизано оценочными категориями, которые не нашли своего единообразного закрепления, что способствует не только формированию противоречивой судебной практики, но и нарушению субъективных гражданских и семейных прав. В целях обеспечения единства практики применения судами российского законодательства, законодатель возложил на Пленум Верховного Суда Российской Федерации функцию разъяснения, которая нашла свое закрепление в постановлениях, способствующих законному рассмотрению споров по существу. В основном, нормативное разъяснение не содержит самостоятельных правовых норм, однако в некоторых случаях Верховный Суд РФ отходит от функции разъяснения, а занимается нормотворчеством, что в корне противоречит полномочиям, предоставленным ему законом.

Ключевые слова: норм закона, формирование, практики правоприменения, разъяснения, дефиниции, нормотворчество, пробельность, противоречивость законодательства.

The creation of clear, correct norms of law is the result of effective rule making. The problem of misinterpretation of sources of the current legislation becomes especially relevant when it is about realization and protection of the individual's rights. The family legislation is penetrated by estimating categories, which have not found the uniform definition that promotes not only formation of contradictory judicial practice, but also violation of the subjective civil and family rights. In order to ensure the unity of practice application by courts of the Russian legislation, the legislator assigned to the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation the function of explanation, which found its fixing in the resolutions promoting lawful consideration of disputes in essence. Generally, the standard explanation does not contain independent law norms; however, in certain cases the Supreme Court of the Russian Federation departs from explanation function, and is engaged in rule making that in principle contradicts the powers conferred to it by the law.

Key words: legal norms, formation, law enforcement practices, explanations, definitions, rulemaking, omissions, contradictions in the legislation.

Как известно, одним из способов обеспечения эффективности правового регулирования общественных отношений является создание четких норм закона. От четкости формулировок зависит практическая реализация идеи законодателя, что в целом влечет за собой единообразное толкование и применение судами норм права, и как результат – справедливое

правосудие. Нельзя не отметить тот факт, что права граждан могут быть нарушены не только статьей конкретного нормативного акта, но и неправильным ее применением.

Вряд ли найдется тот, кто станет оспаривать специфичность юридического языка. Как отмечают в своем исследовании В.В. Шашек и Н.А. Харченко, язык текстов закона весьма далек от эталонного литературного языка, что затрудняет понимание иллокуции законодательного акта рядовыми носителями языка [1, с. 1191]. При этом право нуждается в таких языковых средствах, которые бы точно обозначали правовые понятия и грамотно выражали мысль законодателя [2, с. 27]. При всей справедливости высказываний, нельзя не заметить сложившегося веками парадокса восприятия информации, заложенной законодателем в источниках правах: с одной стороны, законы предоставляют права людям, значит, как минимум, законы должны быть понятны любому разумному субъекту, с другой стороны, законы пишут для правоприменителей. К сожалению, отсутствие в законах четких дефиниций влечет за собой формирование противоречивой судебной практики, нарушающей права граждан, что не может не вызывать озабоченности. Так, исследуя сложившиеся между членами семьи правоотношения, профессор Ю.Ф. Беспалов справедливо констатирует, что проблемы защиты прав возникают, прежде всего, из-за «дефектности» законодательства, которая вызвана избыточным употреблением оценочных, собирательных понятий, наличием противоречий между отдельными положениями внутри семейного законодательства, а также между положениями семейного и иного отраслевого законодательства [3, с. 30]. Следует признать, справедливости ради, что данный порок овеял не только семейное законодательство, но именно в нем он очень прочно укоренился. Семейный кодекс РФ (далее – СК РФ) имея достаточно скромное количество статей, содержит в себе множество оценочных понятий и достаточно скудный объем информации относительно их конкретизации. Данный факт не отрицают не только деятели науки, но и сами правоприменители. В целях обеспечения единства практики применения судами российского законодательства, п. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. №3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (далее – ВС РФ), возложил на Пленум Верховного Суда функцию разъяснения судам по вопросам судебной практики. При этом целью постановлений Пленума является не столько формирование единой практики правоприменения, сколько способствование в законном рассмотрении споров по существу. Если обратиться к толковому словарю современного русского языка [4, с. 640], «разъяснить» – значит объяснить, сделать ясным, понятным. Аналогичное определение можно встретить в словаре В.И. Даля [5, с. 55]. В словарях юридических терминов и определений [6, с. 847], под разъяснениями норм права понимается деятельность определенных органов с целью обеспечения правильного и единообразного осуществления толкуемой нормы права во всех случаях, на которые она рассчитана, устранение неясности и возможных ошибок при ее применении. Как мы видим, предназначение подобных постановлений, разъясняющих законодательные дефиниции, нельзя недооценивать. Так, к примеру, п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» разъясняет, каких лиц следует относить к категории нетрудоспособных совершеннолетних, которым ст.ст. 85, 89, 90, 93-97 СК РФ предоставляют право на алименты. Далее, ст. 92 СК РФ предоставляет суду возможность освободить супруга от обязанности содержать другого нетрудоспособного нуждающегося в помощи супруга или ограничить эту обязанность определенным сроком как в период брака, так и после его расторжения в случае недостойного поведения в семье супруга, требующего выплаты алиментов. Что следует понимать под «недостойным поведением супруга в семье»? На помощь приходит п. 10 вышеуказанного постановления, который относит к случаям недостойного поведения злоупотребление истцом алкогольной и (или) спиртосодержащей продукцией, употребление им наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих ве-

ществ, занятие азартными играми, иное поведение, противоречащее интересам семьи. Статья 86 СК РФ предусматривает возможность привлечения судом каждого из родителей к участию в несении дополнительных расходов в отношении их детей. При этом закон не конкретизирует перечень подобных исключительных обстоятельств, что усложняло бы правоприменительную практику. Пункт 40 названного постановления к таким обстоятельствам относит тяжелую болезнь, увечье несовершеннолетних или нетрудоспособных совершеннолетних нуждающихся детей, требующие, в частности, оплаты постороннего ухода за детьми, иных расходов, необходимых для излечения или поддержания здоровья детей, а также для их социальной адаптации и интеграции в общество (расходы на протезирование, на приобретение лекарств, специальных средств для ухода, передвижения или обучения и т.п.).

Во всех приведенных примерах, нормативное разъяснение не содержит самостоятельных правовых норм. Однако следует признать, что в некоторых случаях Верховный Суд РФ отходит от функции разъяснения, а занимается нормотворчеством, что в корне противоречит полномочиям, предоставленным ему законом. Так, п.1 ст. 36 СК РФ содержит перечень имущества, принадлежащего каждому из супругов: имущество, принадлежавшее каждому из супругов до вступления в брак, а также имущество, полученное одним из супругов во время брака в дар, в порядке наследования или по иным безвозмездным сделкам. Пункт 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» неоправданно расширил предусмотренный законом перечень, включив в него имущество, приобретенное хотя и во время брака, но на личные средства одного из супругов, принадлежавшие ему до вступления в брак. Далее, п. 4 ст. 51 СК РФ гласит, что лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери). Пункт 5 ст. 16 Федерального закона РФ от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» подтверждает данное императивное требование. Однако абз. 4 п. 31 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» не исключает возможности в случае отказа суррогатной матери дать согласие на запись указанных выше лиц родителями, удовлетворить иск этих лиц о признании их родителями ребенка и передаче им ребенка на воспитание.

Аналогичное сомнительное толкование встречается и в иных случаях. И каждый раз, когда сталкиваешься с подобным проявлением «праворазъяснительного нормотворчества» Верховного Суда невольно начинаешь верить в то, что «в правовом государстве, где судебная власть является главным контролирующим фактором, судебная практика неизбежно становится источником права: при этом разъяснения судов становятся самостоятельным и важным инструментом правового регулирования» [7, с. 68]. Однако очень хочется надеяться, что древнеримские юристы все же имели в виду нечто иное, говоря о том, что «закон есть то, что мы разъясняем» – «Lex est, quod notamus». Судебная практика должна формироваться в соответствии с действующим законом, а не наоборот. И в этой связи не совсем понятно «сдержанное» поведение Верховного Суда РФ не только по приведению некоторых постановлений Пленума в соответствии с действующим семейным законодательством, но и в реализации права законодательной инициативы, предоставленного ему ч. 1 ст. 104 Конституции РФ. Кто как не Верховный Суд РФ, анализирующий обзор судебной практики по делам, вытекающим из семейных споров, лицезреет несовершенство действующих источников права?! Следует признать, что незаконность решений нижестоящих судов и последующая их отмена вызвана не только некомпетентностью отдельно взятого судьи, но и пробельностью или двусмысленностью действующего законодательства. На наш взгляд, именно Верховный Суд, являясь высшим судебным органом в РФ, должен быть заинтересован в устранении противоречиво-

сти, пробельности действующего законодательства. При этом нельзя не согласиться со справедливим высказыванием профессора С.С. Алексеева о том, что работу по составлению законопроектов необходимо передавать группе специалистов, ученых, практиков, обладающих компетентностью в том или ином законодательно разрешаемом вопросе [8, с. 5]. Способствование в создании юридически грамотного закона, исключая вероятность пробела и двоякого его толкования, обеспечит единообразие судебной практики и устранение допускаемых судами ошибок, что в целом улучшит качество судебных решений.

Библиографические ссылки

1. Шашек В. В., Харченко Н. А. Проблема ясности языка законодательства и множественности интерпретаций текстов законов // Молодой ученый. 2016. № 7. С. 1191-1196.
2. Ивакина Н. Русский язык российского права // Рос. юстиция. 2000. № 7. С. 26-28.
3. Беспалов Ю.Ф. Некоторые проблемы защиты имущественных прав супругов (бывших супругов) в Российской Федерации // Рос. судья. 2018. № 6. С. 30-33.
4. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Толковый словарь современного русского языка. М. : ЭКСМО, 2011.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. М. : Рус. яз., 1978.
6. Российская юридическая энциклопедия. М. : Издательский дом ИНФРА-М, 1999.
7. Мадьярова А.В. Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002.
8. Алексеев С.С. Как готовить закон // Известия. 1992. 14 дек. С.11-12.

References

1. Shashek V. V., Harchenko N. A. Problema yasnosti yazyka zakonodatel'stva i mnozhestvennosti interpretacij tekstov zakonov (The problem of clarity of the language of legislation and the plurality of interpretations of the texts of laws). *Molodoj uchenyj*, 2016, No. 7, pp. 1191-1196.
2. Ivakina N. Russkij yazyk rossijskogo prava (The Russian language of Russian law). *Ros. yusticiya*, 2000, No. 7, pp. 26-28.
3. Bespalov Yu.F. Nekotorye problemy zashchity imushchestvennyh prav suprugov (byvshih suprugov) v Rossijskoj Federacii (Some problems of protecting the property rights of spouses (former spouses) in the Russian Federation). *Ros. sud'ya*, 2018, No. 6, pp. 30-33.
4. Lopatin V.V., Lopatina L.E. Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka (Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language). Moscow, EHKSМО, 2011.
5. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka (Explanatory dictionary of the living Great Russian language). V 4 t. T. 4. Moscow, Rus. yaz., 1978.
6. Rossijskaya yuridicheskaya ehnciklopediya (Russian legal encyclopedia). Moscow, Izdatel'skij dom INFRA-M, 1999.
7. Mad'yarova A.V. Raz'yasneniya Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii v mekhanizme ugolovno-pravovogo regulirovaniya (Explanations of the Supreme Court of the Russian Federation in the mechanism of criminal law regulation). St. Petersburg, Yuridicheskij centr Press, 2002.
8. Alekseev S.S. Kak gotovit' zakon (How to make a law). *Izvestiya*, 1992, 14 dek., pp.11-12.

Дата поступления: 20.01.2019

Received: 20.01.2019